

НОВАЯ
серия

александр
миронов

— без огня —

НОВОЕ
издательство

Александр Миронов

Без огня

Текст предоставлен правообладателем
http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=3118155
Без огня: Новое издательство; Москва; 2009
ISBN 978-5-98379-116-9

Аннотация

Александр Миронов родился в 1948 году в Ленинграде. Автор книг «Метафизические радости» (1993), «Избранное» (2002). В книге «Без огня» собраны стихи 1970-2000-х годов.

Содержание

ДИАЛОГ	4
***	6
***	7
СТЕАРИНОВАЯ ЭЛЕГИЯ	9
ПЕРЕПЕЛКА	12
***	15
***	17
***	19
***	20
ТОСКА БЫЛЫХ ВРЕМЕН	21
***	23
ИСКУШЕНИЕ	25
КЪЕРКЕГОРУ	26
***	27
***	28
***	29
***	30
ФИГУРА УМОЛЧАНИЯ	31
ПОЛЬ ВАЛЕРИ	33
***	34
LOCUS ТРЕЗВОСТИ	36
***	37
Конец ознакомительного фрагмента.	39

Александр Миронов

Без огня

ДИАЛОГ

– В вопросе больше смысла, чем в ответе с одним дном. Но если у ответа двойное дно – это не ответ на вопрос. Как уточнить вопрос, чтобы получить ответ?

– Это вопрос отношений...

– А еще точнее? Перед вами шкатулка. Гуру дает вам ключ от нее и сообщает, что, открыв ее, вы найдете деньги. Вы открываете шкатулку и денег не находите.

– У шкатулки двойное дно?

– Нет. Но ваш Гуру говорит вам, что вы найдете обещанное, если закроете глаза и сквозь сомкнутые веки будете продолжать смотреть в пустую шкатулку. Едва вы закрываете глаза в попытке вызвать видение, как вновь слышите голос: «Деньги уже у вас, – говорит Гуру, – отдайте мне половину». Не думаете ли вы, что Гуру вас обманул?

– Нет, ведь я же до сих пор ему верил.

– Тогда отдайте мне вторую половину, а первую найдете в кармане.

– Точнее, это вопрос веры.

– Как уточнить этот вопрос, чтобы получить ответ?

– Получить обещанное?

– Вы уже получили.

– Отдать полученное?

– Вы уже отдали.

–

– Молчите. Молчите. Надо ждать следующего вопроса.

1976

Смех мой, агнче, ангеле ветренный,
подари мне венец нетления,
Бог невидимый – смех серебряный,
светлый Бог океана темного.
Бес, над трупом моим хохочущий,
враг, пятой меня попирающий,
смех – любовник мой вечно плачущий,
узник в камере мира тварного.
Смех, страдающий в танце дервишей,
я – Иуда твой, друг тринадцатый.
Приготовь мне петлю пеньковую,
Бог мой – смех, меня отрицающий.

март 1973

Чуть солей, чуть кровей – придушить и размять,
трижды плюнуть на Запад, в мурло Велиарово...
Ах, скажи мне, моя Голубиная Мать,
кто варил это страшное нежное варево?

Кто варил – тому здесь уже больше не быть:
он варить-то сварил, а расхлебывать – ворону.
Почему же так страшно мне переходить
на ту милую, дальнюю, праздную сторону?

Мне и Кесарь не друг, мне и слов самосад —
сорных роз – опостылел, как вымысел Родины.
Я и знать не хочу, как Центрального Пса
будет время топить в его красной блевотине.

В Лете, где растворяется времени нить,
смерть вторая к душе клубом пены подкатится.
Потому так и страшно себя растворить
и увидеть червленые буквы Акафиста.

Что не слышало Ухо – не скажет Язык —
так от Века Иного до Времени Оного.
Для того, чтобы выучить эти Азы,
надо верить каленым щипцам игемоновым.

Знать, и там ордена, как и здесь – так чего ж
ты, Психушка моя, притворяешься дураю?
Обточи свое тело о жертвенный нож
и прикрой, Потаскуха, себя амбразурю.

А потом поднимись и ступай, не скорбя
ни о чем, говоря: так и надо, и надо нам.
Андрогиново племя приветит тебя
недомыслимым словом, забвеньем и ладаном.

май-июнь 1977

СТЕАРИНОВАЯ ЭЛЕГИЯ

Животные подразделяются на:
а) принадлежащих Императору,
б) бальзамированных,
в) прирученных,
г) молочных поросят,
д) сирен,
е) сказочных,
ж) бродячих собак,
з) включенных в настоящую классификацию,
и) неисчислимых,
к) буйствующих, как в безумии,
л) нарисованных очень тонкой кисточкой из верблюжьей шерсти,
м) и прочих,
н) только что разбивших кувшин,
о) издали казующихся мухами.

Х.Л. Борхес¹

Свет сплосовал, и я зажег свечу
(такое грех выдумывать нарочно:
все наши вечера не стоят свеч),
зажег свечу, а в комнате соседней
сестра Франциска², смертная волна,

¹ Цит. по книге М. Фуко «Слова и вещи» (М., 1977).

² Ассизского.

прильнув к постели, ласково шуршала,
лизала руки матери моей
(врач сделал ей укол; она уснула),
лизала руки, значит, и шептала.
Я слышал – это были имена – какой-то вздор!
Я слышал: Гоголь, Пушкин,
Бах (ну, к чему бы это?), Демосфен
и некая непрошенная Фекла,
Хемингуэй, Маршак, Аврора (крейсер?),
царь Николай, как будто бы Второй,
Ахматова, Распутин, Альбертина,
Лолита, Чернышевский, Хо Ши Мин,
(и, если вам еще не так постыла
вся эта каша, я продолжу) – Sartre,
Ягода, Jonny Walker, Солженицын,
Тутанхамон & Company, Басё,
Роз де Масэ, Лойола, Гонорея,
Параша, Риголетто и Муму...
Возможно, кое-что я не расслышал.
Она читала, словно торопилась
в другие страны, к новым берегам.
К тому же, ее шепот был так тих!
И все слова, журча, переливались
одно в другое... Я позвал ее.
Она была глуха – скажи на милость! —
И столь слепа, что не могла найти
щелей, чтоб в ночь слепую просочиться,
пришлось для бедной дверцу отворить.
Она меж ног моих прошелестела

и даже не задела мимоходом.

Одна беда, что свечку вдруг задуло,
но я был рад, что мать моя жива.

ноябрь 1977

ПЕРЕПЕЛКА

*Ты ж моя
ты ж моя
перепелочка!*

(Из детской колыбельной)

Этот детский наплыв, эти хлебные дни,
нескончаема зимняя порка...
Раскачай мой содом, по садам проведи,
перепелка моя, перепелка!

Переплавь мою кровь, купола моих строк,
проколи меня песней до боли...
Я потом отплачу – это только залог —
отрицанье бессмысленной бойни.

Отплачу и уйду, возвращусь в свой содом
не по травам – по острым осколкам.
Что-то тлеет во тьме – это сад твой сожжен,
перепелка моя, перепелка.

февраль 1965

Садясь на белое пятно
комочек сладенького теста
свивает голоса в одно
разноголосье пятен детства

2

Вокруг его растут кубы
а в них сидят четвероноги
их позолоченные лбы
потухших импульсов чертоги

3

И в каждом бродит по стране
на иноземных черных лапах
в могучей облаков броне
где солнце зверю словно клапан

4

Садясь на белое пятно
взирает мальчик аналитик
как неисследовано дно
сокрыв в себе миллион открытий

5

Он надевает акваланг
и вглубь пятна ползти решает
благая детства кабала
его в потеху обряжает

6

И в одиночество рядим
уж он наделает веселий
пустой комочек из резин
с пространством вечных новоселий

7

Кто в вас поселится теперь?
Кто жизнь сидел на черных пятнах
в себе секретов не терпел
и был во всём и всем понятный

8

Во всех пространствах измерим
и всех времен большой новатор
он в вас поселится незрим
и станет друг ваш и соавтор

9

Сознаний ваших виражи
в пространстве красок слишком узком —
лишь отраженье как дрожит
создателя нетвердый мускул.

март 1966

*Убить красоту – когда любуются цветами,
закричать: «Начальник едет!»*

Из китайской премудрости

Нет, не Фьоренца золотая
нас папской роскошью манит —
Савонарола из Китая
железным пальчиком грозит.

О век – полуистлевший остов!..
Но я, признаться, не о том —
ведь красоту убить так просто,
испортив воздух за столом.

Русь избежит стыда и плена,
ей красоты не занимать —
начнет российская Елена
большие ноги бинтовать.

Пока Европа спит и бредит,
случается то там, то тут:
Москва горит, начальник едет,
цветы безумные цветут.

1975

О Выборг, крайний из клевет,
с дымком на блюде тополей,
твой воздух белый, как билет
в интимный склеп, как в кабинет
искусных Гофмана затей.

Флажками гота сдобрен Спас —
пасхальный город в праздник красный,
твой сон ушел дымком из нас —
но крестным ходом сдобрен час,
и он явился Пасхой праздной.

Ты спутал, православный, сны,
хоругви с рожей транспаранта,
звон с лихолетьем тишины,
тропу вдоль крепостной стены
и крестный ход – с кругами Данта.

Была оправа из флажков,
а лик болезнью не умышлен,

была музыка из силков,
касаний-паузы-снегов,
и ноты с косточками вишен.

июнь 1966

Когда колеблем бредом ос,
над Пасхой колыхался мост,—
там ледоход младенцем вытек,
я развернул его, как свиток.
О, бесконечностью не тешь
и совпади, дитя, с развязкой,
моста — поперек, хребта — промеж
окончись бесконечной Пасхой.

1966

А может быть, скажите, мясо
прикрыто занавесом музыкальным?
Быть может, ухо наше слышит,
что мы должны вкушать не помня —
чечетку дня и рукоятку полдня,
кровавый почерк полуночной мышцы.

12 февраля 1969 года

ТОСКА БЫЛЫХ ВРЕМЕН

Помнишь, друг мой верный Боткин,
как бывало пел Тургенев
голосом своей подруги,
как кузнечик стрекотал.
Помнишь, друг мой Феоктистов,
к нам пришел однажды пристав,
все бумаги переделал
на казенные счета.
Помнишь нас и помнишь вас,
мы летали, как бутылки
в честь графини Салиас,
такой затейливой кобылки.
Открывался нам простор,
озорной и неприличный,
пел Тургенев непривычный,
красный высуня язык.
Боткин Шумана играл,
головой биясь о клавишь,
он говорил: «Я либерал!
Время, ты нас не исправишь!»
Но время всех исправило.
Пристав свистнул вдруг кнутом.
Он у графини Салиас служил домашним котом.
Опрокинулся рояль

и забрызгал кровью дам,
все закричали: «В Нотр-Дам!
Такой России нам не надо!»
«Господа, – сказал лакей Бертрам,—
извольте выпить чашку шоколада».
Тут, откуда ни возьмись,
цесаревич молодой
жопой вверх и жопой вниз
заплясал, как козодой,
с розой чайною в устах.
Зашептали дамы: «Ах! —
И пустили по рядам.—
Какой он бог сегодня, право!»
«Господа, – сказал лакей Бертрам,—
мы отменили крепостное право!»
Ну, Тургенев, наша взяла!
Ну, Феокистов, наша взяла!
Ну, Боткин, наша взяла!

Сейчас товарищ Бертрам называется Федором.
Он коммунист, 1903 года рождения, участник трех
революций, хороший товарищ в быту и лирический
тенор.

11 декабря 1969 года

Я знаю, Отчизна, мне страшно с тобой повезло.
Премудрости бездна твое родовое стекло.
Зловещая линза разлетов твоих и кривизн,
глухая отчизна среди говорящих отчизн.

Послушай, все тот же заморский поет соловей.
Древесное ложе любого указа верней.
Утроба до гроба – тобою воспетая жизнь,
а смерть – пробужденье в забытой Отчизне отчизн.

Какая услада – учиться, работать и петь.
Для этого надо поглубже забрасывать сеть.
В реке Бормотухе, видать, караси хороши,
и так хлебосольно село Настучи-Повяжи,

что ешь, а не хочешь – и в ухо, и в глаз, и в ребро,
а после, как кончишь, так сходишь опять же добром.
Случись тут ни к месту ни к стати недобрая весть —
на случай болезни в селе электричество есть.

Народ хорошеет, добреет лицом и крылом,
и с Пушкиным связаны все нерушимым узлом.
Народное тело – храмина высоких забот,
и Ленина каждый, как душу, в кармане несет.

начало августа 1974 года

ИСКУШЕНИЕ

Гроба бесцельно вопиют
а татарва все просит дани
Огонь – ты пламенный уют
в моем домашнем балагане
Я чиркнул спичкою и вдруг
лицо зеленое дымится
Приди любезный мой супруг
поет истлевшая девица
Другой бы испугался я ж
всего лишь тихо рассмеялся
тому как радио-кураж
с огнем беспечным сочетался
Их грех содомский был велик
и я гневливо встал со стула,
тут дева отвратила лик
а спичку сквознячком задуло

1975

КЪЕРКЕГОРУ

Где насекомые минуты
снуют, сплетая суету,
ты разорвал слепые пути
и разум бросил в темноту.

Он померцал и скоро сгинул,
рассеявшись среди толстых дам.
А ты твердил свое: Регина,
Иов, Исаак и Авраам.

Ты умирал, моля о Даре,
когда сплетал тебе венец
твой враг, бессмертный, как в футляре
непробиваемом мертвец.

1975

Душе моя, душе моя, проснись!
Час приближается округлый и опасный.
Век-упырёк нальется буквой красной,
В раскосые глаза рассыплет рис.

Душе моя, проснись, и заодно
Из века в век, качаясь и звеня,
Мы упадем в разумное окно
Из комнаты, где не было меня.

июнь 1975

Как трудно душу протянуть
к Невидимой Отчизне
и, умирая, не сболтнуть
чего-нибудь о жизни.

Как трудно, нагрешив сперва
и обезумев вдосталь,
заквасить смыслами слова:
комедиант, апостол.

Эон, затерянный в веках,
как выстрел телу чуждый...
Как трудно жить наверняка
и умереть без нужды.

сентябрь 1975

Судьба с тобою обошлась
неласково, но скажем прямо:
ты как-никак двойная дама,
а твой супруг – научный князь.

Вокруг тебя лесная чужь
всегда мерцает светляками.
Ты среди нее царицей будь
как подобает мужней даме.

Пусть нечисть выползет из нор
на свет твои послушать речи.
О будь второю из сестер
простой триады человечьей!

Жить с Верой стало все трудней.
Любовь – увы, большая сложность.
Ну, а Надежда – как же с ней?
Надежда там, где безнадежность.

Твердит младенец грозно и упрямо:
«Не покупай мне шар воздушный, мама».
«Но почему, – спросила мама, – милый?»
«Сей шар напоминает мне могилу»,—
сказал ребенок. Мама: «Не пойму,
шар голубой – могилу? Почему?»
«Сей безобидный шарик голубой,—
прорек младенец, – это шар земной,
кружащийся в пространстве планетарном
в укор своим могильщикам бездарным;
хранит его Святой Господень Дух,
хотя от смерти он, как червь, распух».

1975

ФИГУРА УМОЛЧАНИЯ

I

молчи пустынная фигура
таинственное божество
в словах потерянная дура
забывшая свое родство
постой вращаться бес крылатый
остановись безумный шар
невидимого супостата
двоих бесстыдная душа
двоих постылая отрада
в ночи блуждающий намек
двоих невидимого гада
двух помыслов упавших в срок
двух евнухов недомоганье
по кесарю в тени олив
постой постылое молчанье
наш разговор как время крив...

II

не потому ли время смертно
и не окончен разговор
что слово, как герой inferno
стекает в роковой зазор
и снова падает в безвестье

и воскресает невпопад
деяний наших бессловесье
творений празднословный ад
где словоблуды в пост играют
а празднословы в страшный суд
досье как трупы разбухают
и бомбы спелые цветут

III

и только слово что распято
сойдя во ад взыскует брата
лелеет кормит и хранит
от бессловесных аонид
о слава слову слава богу
распявшему собою ложь
еще немного бес немного
где все поймут и ты поймешь

январь-апрель 1976

ПОЛЬ ВАЛЕРИ

Проницательный лев очарован крупой Ренессанса,
голубою мадонной с младенцем крупозным и влажным,
Велиаром глумливым в глубоких глазах белошвейки,
буржуазною пеной молочного Нового Света.

Президент голубей, погруженный в метафору мира,
величаво царил галльским гребнем на шумном Олимпе,
над куриной вознею согласий и разноголосиц
он следил колыханье зернистой и праздничной пены.

1976

Жить надо все-таки верней —
от веры к вере.

Изысканный остаток дней
хранить в пещере,

изведанную горечь слов
творить и вторить,
телесный храм, разумный кров
нерукотворить,

сойти к теням своей души
Христом распятым
и смертных почестей лишить
смиранный Атом,

жить Богу, сотвориться вспять,
как учит Слово,
но попросить себя поймать
у Птицелова,

а здесь вразнос и невпопад
истаять душу,
в потоке дней ускорить ад,
взыскупя сушу,

как пресмыкающийся Ной,
как вопль Иова,
смиреньем персти земляной
привлечь Благого.

февраль 1976

LOCUS ТРЕЗВОСТИ

Как похмельный олень
я теку
на иссохший источник стола
а в Китае с утра
как всегда
совершились большие дела
ну а здесь – что ни день —
то печаль
то огонь то зола
Флорентийская тень
мои тихие сени сожгла

1976

Сколько праздников!
Сколько естественной радости,
радужной пыли,
эйфории и мяса
на пике крутого поста!
Неужели и вправду мы кончили,
в самом конце – победили
с патриаршей подмогой,
с землицей в расцветших устах?
Как в цветном эпилоге
после той мелкотни хроникальной,
где лишь грохот и вой,
свист и крик, человек и снаряд —
все роится, все плещется,
все цветет чепухой зазеркальной —
разберись, где известный,
а где – неизвестный солдат!
Фарш волшебный из виршей и маршей,
из визга и пенья,
равноправные дети-застрельщики,
дети-стрелки...
Круговое терпенье, цыплячье сцепленье,
цветенье! —
Возлагают венки.

Возлагают венки.

Запах жирных нулей
заполняет прогулы сквозные,
черно-белые клирики
скорбной шеренгой стоят.

«Далеко ли идти
до блаженной страны Содомии?» —

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.